

*Моему сыну с надеждой,
что, совершая собственные,
он избежит отцовских ошибок*

*«Рассказчик способен донести ровно столько, сколько
позволяет ему мастерство. Читатель внимает лишь тому,
что созвучно его душе».*

Карлос Руис Сафон

Глава 1

Август 2018 года. Старая дорога

Пятно было страшное. Черное. С белыми подпалинами. Будто сальное. Это от дождя, это дождь намочил и пригладил.

Славке хотелось плакать, но он не заплакал. Дядя Олег говорит, что плакать не надо. И он обещал, что не будет.

Лопатка у него была, она всегда при нем. Самая настоящая, военная. Дядя Олег подарил.

И пакет есть с красными буквами.

Славка опустился на колени и стал подрезать дерн. Его он укладывал на костровище. Плотно, кусочек к куску, чтобы ни щелочки.

В пакет он собрал мусор. Его было не очень много, а случилось, что пакета не хватало.

Чтобы собрать все, пришлось подняться. Штаны на коленках были испачканы золой и грязью, но мама не будет ругаться, она никогда не ругается.

Он огляделся – не пропустил ли бумажки, обрывки, осколка. Хотя они красивые, стеклышки, особенно зеленые, через них можно смотреть на солнце и не щуриться, в них солнышко рассыпается веселыми искрами. Через коричневые тоже можно, но в них искры грустные.

От осколков еще пахло кислым.

С пакетом в руке Славка отступил на несколько шагов. Страшное пятно исчезло. Вместо него появилось кольцо срезанного дерна. Это ничего, скоро оно затянется травкой, зазеленеет и заметно не будет.

Прямо перед ним на земле валялась пробка – золотистая, со стрелками по бокам, наверное, от той бутылки, осколки которой он собрал. Славка поднял пробку и бросил в пакет.

Надо рассказать о костровище дяде Олегу. Пускай он и так всегда все знает: кто был, кто палил костер, ставил палатку у кустов, – но рассказать надо.

Дядя Олег очень нравился Славке. Он его любил.

* * *

Олег посмотрел на часы – машинально, время значения не имело. Не ему решать, сколько здесь сидеть. И ждать. Хотя сидеть не обязательно.

Он снял куртку и застелил землю. Вытянулся. Развернул бейсболку козырьком назад, притянул его к шее, чтобы сосновые иголки не забрались под воротник, не кололи кожу.

Сосны шептали над ним, нашептывали. Птицы баюкали. Но он не заснет. Как тут заснешь – после увиденного, да и сделанного тоже?

Потом птицы примолкли. Они же не городские, те не обращают внимания на моторы, а эти не могут. И слух у них острее человеческого.

Он приподнялся на локтях. Да, едут. Едет.

Шум мотора, сначала лишь угадывающийся, становился отчетливее. В нем проявилась хрипотца, которая не свидетельствовала о нездоровье техники, но лишь о ее особенности. С годами обязательно что-то проявляется – свист, хрип или дребезг, и бывает, что слышен беспорядок, а не разобрать, где и что засбоило, а значит, и не найти, не устранить. Вот по этой хрипотце и было ясно, кто едет.

«Уазик» вывернул из-за поворота и остановился. Человек за рулем выключил мотор, однако выходить не спешил. Он вообще никогда не торопился, но всегда успевал – и всюду.

Игорь Григорьевич Егоров. Для тех покровских и полымских, что схож по возрасту, просто Игорь. Для матери, дай ей Бог здоровья и памяти крепкой, Анне Ильиничне, для нее – Игорек, Игоряша, сыночек. Олег не был ни покровским, ни полымским, он только-только перестал быть чужаком, поэтому Егоров был для него Игорем Григорьевичем, и все, что Олег мог себе позволить в общении с участковым, это доверительное «ты», да и то лишь с недавних пор.

В кустах кто-то несмело пискнул, заполошно забил крыльями, пугая водившие хороводы тени. Меж веток мелькнуло серым.

Егоров выбрался из «уазика». Утвердившись на земле, сначала огляделся, лишь после этого двинулся по обочине мелким шагом.

Роста участковый был невеликого, не дядя Степа, и живот имел приличный, хотя особенный – не переваливающийся через ремень, а словно надутый втугую. При первой встрече с Егоровым, когда Заруба их знакомил, Олегу припомнилось, как Ольга называла такие животы. «Луковкой». Еще и подшучивала над собой. Это ей потом не до смеха стало, когда токсоикоз начался. А еще у Егорова была лысина, поэтому фуражку он снимал редко.

По обочине – это грамотно. Олег это отметил. Только зря участковый осторожничает, нет на дороге следов колес, кроме тех, что оставил квадроцикл залетных. Хотя это он знает, что их нет, а Егоров действует по логике, или по инструкции, наверняка таковая имеется, а человек Игорь Григорьевич исполнительный, памятный и въедливый.

Нет на дороге других следов. По Старой дороге деревенские почти не ездили, разве что в грибной сезон или по крайней нужде, сокращая путь до райцентра. Да еще «черные лесовозы», но те совсем редко. Так что

отпечатки протекторов квадроцикла – вот они. Не было ни сегодня, ни вчера на дороге «беларусей» с телегами и тяжких «уралов», груженых лесом. После дождя – а он два дня как прошел – вся дорога в пупырышках, здесь вообще никто не проезжал. Кроме залетных.

Подойдя, Егоров протянул руку:

– Здорово.

Олег показал свою ладонь. Она была матово-грязная, будто движок перебирал, замаслился и бензином дочиста не оттер. К запястью прилипла кожица сыроежки.

Егоров глянул в сторону. Там Олег разбирал грибы. Это он потом пересел и корзину к себе подтянул.

– Белые, говорят, пошли, – кивнул Егоров. – Куда ходил?

– На Плесь.

Так называли цепочку полян и прогалин, по неведомой природной прихоти появившихся посреди леса. Грибов там было пропасть, и все больше благородные, но тут было важно с моментом угадать, а то сегодня прорва, хоть косой коси, а завтра все гнилые, переростки, или уже пусто.

– Надо наведаться.

Участковый был большим любителем маринованных белых. Соленые грузди предпочитал лишь под водочку, а без рюмки, просто с картошкой, тогда белые. Последнее случалось чаще, потому что позволял себе Егоров редко. На радость матери, а уж Анна Ильинична старалась и грибы мариновала исключительно. Ну а как же, любимый сын, единственный, отрада и опора. И всем хорош, одна беда – неженатый ходит, а ведь не желторотик, человек в возрасте и с положением, пора бы уж.

Олег подцепил ногтем розовый лоскуток, сковырнул с запястья.

– Не успеешь, сам не успел.

Участковый поморщился, и было отчего. Два и два не сложил: кто ж при укусе сыроежками пробавляется?

– Ну и нервы у тебя, Олег. Струны! Грибы почистил...

– Было время, и почистил.

– Так я и говорю: струны.

Егоров достал мобильник. Засветил экран. Отвел руку, повернулся налево, направо, хотя с чего бы крутиться? Вышка далеко, низина. Но проверить надо, и он проверил.

Спросить, как Олег до него дозвонился, этого участковый позволить себе не мог – грибочков достаточно. Щеки его покраснели. На переносице выступила капелька пота.

Олег подсказывать не стал, чтобы не добивать хорошего человека. Людей вообще надо беречь. По возможности. Особенно когда тебе это ничего не стоит. Сейчас такая возможность была.

– Лихо ты, – с явным довольством собой наконец проговорил Егоров.

Заметил-таки. За спиной Олега была сосна. Когда лез, кору ободрал.

– Высотником работать не пробовал?

Когда старые серые сучья, словно обернутые бархатной бумагой, сменились желтыми, цвета луковых лушпаек, лишь тогда на дисплее мобильного Олега, будто делая одолжение, появился одинокий «кубик», зримое свидетельство, что связь, пусть какая-никакая, а есть.

– Мне и на земле хорошо.

– На земле, конечно, надежнее. – Егоров вытянул из кармана платок, приподнял фуражку – немного, чтобы ладонь протиснулась, и протер лысину. Каплю с переносицы тоже смахнул. И спросил быстро, без перехода:

– Где они?

– Там. – Олег повел подбородком.

«Там» – это за следующим поворотом, метров сорок.

– Пойдем глянем.

– Да я уж насмотрелся.

– Пойдем, пойдем.

Олег сунул в губы сигарету. Курить не хотелось, это было своего рода противоядие – даже не понять, то ли черствеешь от никотина, то ли примирает он. Но с сигаретой легче. Он был за поворотом, потому и закурил.

Они пошли к изгибу бурой, в зябких крапинках, дорожной ленты. Этот поворот и погубил залетных. Не вписались.

Шли медленно. Смерть суеты не терпит.

Вот смятые кусты. Обломанные ветки. Рывины в рыхлой обочине. Листья забрызганы песком. И следы – подошвы в рублик.

– Самовольничал, – осудил участковый.

– Я не знал, что они мертвые. – Это было объяснение. Олегу не хотелось, чтобы участковый подумал, будто он оправдывается. – Знал бы, не дернулся.

Егоров остановился у края дороги и приподнялся на цыпочки, отчего стал немногим выше, но чуть стройнее – живот втянулся, полы форменной куртки сошлись, прикрывая «луковку». Заглянул вниз: что там, за кустами, за кюветом? Хотя и не кювет это вовсе, просто скос.

После этого Егоров посмотрел на свои ботинки. Они у него были с отливом, с глянцем – в Покровском, не говоря уж про Полюмя, только участковый чистил ботинки, остальные их носили и снашивали, чинили, латали и выбрасывали, или выбрасывали без всякой починки, не мелочась. А участковый охаживал щеткой и не жалел гуталина. Начищенные ботинки были для него чем-то вроде визитной карточки служилого человека.

Как-то, давно уже, он сказал Олегу:

«Это с армии привычка, ну, чтобы как в зеркало. Так нас прапорставлял, замкомвзвода. Следил, проверял и крем выдавал особенный, польский, «Гриф» назывался».

«Крем?»

«Я в Белоруссии служил. Про Беловежскую пушу слышал? Вот там. И прапор наш из бульбашей был, да и в роте все больше местные срочники кантовались. Так они слова «гуталин» вообще не знали. Крем и крем. Сам-то как, отдал долг Родине?»

«Было дело».

«С сапогами или уже в берцах?»

«В сапогах».

«Тогда знаешь что почем».

«Вспоминаю иногда. А еще они какие слова не знали?»

«Ластик».

«Что?»

«Ластик. Шутковали еще надо мной».

«А что взамен?»

«Стирательная резинка. Тут уже я смеялся».

Ботинки у Егорова были мало ухоженными, так еще и с надставленными сантиметра на полтора каблуками. Размером не больше сорокового, чуть старомодные, но не без того изящества, что выше моды. И сейчас, на обочине Старой дороги, Игорю Григорьевичу ботинки было жалко – изгваздает ведь, но лезть надо, никуда не денешься.

Участковый вздохнул и отодвинул ветки, а какие не смог, через те переступил. Штанины он приподнял, но через пару шагов ноги провалились в обманчиво твердую смесь песка и прелых листьев. Егоров отпустил брючины и пошел, уже не разбирая, куда ступить.

Квадроцикл унесло метров на двадцать – скорость была приличная, еще и уклон. Проломившись сквозь кусты, квадр подпрыгнул, клюнул носом, вывернулся, счастливо миновал одно дерево, другое, потом наскочил правым колесом на ствол упавшей ели, старой и толстой. Его подбросило и завалило на бок.

Вот тогда залетные и погибли. Одному переломило шею так, что голова вжалась ухом в плечо. Другого насквозь проткнул иззубренный сук – не той ели, что опрокинула квадроцикл, а лежащей рядом, тонкой. Ее подмяло и завалило старое дерево: когда падало, поломало сучья и только потом утянуло молодую елку вниз, выдрав корни из земли и развесив на выворотне ленты мха. Один из этих сучьев и пронзил, как шпагой, того, что был «вторым номером», сзади сидел, раскрасив кровью толстовку с нечитаемым теперь принтом. А у водителя сначала сорвало веткой каску, а потом уже ударило головой о ствол.

Каска валялась рядом – натуральная фашистская или под нее, подделка-сувенир, но, вероятнее, все же натуральная, если помнить о хобби ее владельца. Когда Олег первый раз увидел этого парня, он как раз был в этом артефакте. И не потому, что за рулем положено быть в шлеме, но в каком – на то правила расплывчатые, а для форсу. Только не уберегли понты: как оберег они вообще не очень.

– Наши мужики за эту каску ему морду набить хотели, – задумчиво проговорил участковый. – Так и не собрались.

Егоров обошел квадроцикл. Алые пятна с его щек исчезли. Теперь оно было мучнисто-белым. Или казалось таким в полумраке, разлитом под еловым шатром. В таких местах, у подножия таких деревьев, светло не бывает – или серо, или темно.

– Вот тварь!

Из-под ноги Егорова выскочила лягушка. Всего-то, а он отпрянул. Одна видимость, что спокоен, на самом деле взвинчен: два мертвеца – это два мертвеца.

– Не повезло пацанам.

Участковый наклонился над парнем с перебитой шеей, с посиневшим до черноты, будто отекившим лицом, припорошенным рыжими елочными иголками, с черной дырой рта в рамке белых зубов, с черной кровью на подбородке.

На того залетного, что был проткнут, Егоров лишь взгляд бросил. А вот Олег отвел глаза с трудом, подумав: «Словно на шампур насадили». И если бы верил, то свел бы пальцы в щепоть и перекрестился, устыдившись сравнения. К смерти надо не только без суеты, но и с уважением, без фантазий и легкости в словах.

Выпрямившись, участковый сказал:

– Пошли отсюда.

Олег ждал вопроса, не трогал ли он здесь чего, но Егоров его не задал.

Они поднялись к дороге.

– Закурить есть?

Олег ни разу не видел, чтобы участковый курил.

– Есть.

Он достал сигареты. Осталось три штуки: пока ждал, полпачки высадил. Чиркнул зажигалкой. Участковый затянулся, кашлянул, сделал еще пару быстрых затяжек. Бросив окурок, придавил его ботинком, уже не блестящим, утратившим былую красоту.

– Сейчас группа приедет. Я вызвал. Спецы из района. Такое дело – их уровень. Дождешься?

– Я бы лучше пошел.

– Кому лучше? Ты же понимаешь: протокол, опрос, то, се, без этого не обойдется.

– Понимаю. Где найти меня – известно. Уезжать не собираюсь.

Озябая дорога вернула их к сосне, на которую забирался Олег. Вот корзина, куртка. Стоит ли надевать? Жарит-то как! Хотя через лес идти – исцарапаешься, а у Черной и старицы – крапива.

Надев куртку, Олег подхватил корзину.

Егоров наблюдал за ним.

– Напрямик?

– Ага.

– Тогда бывай. Дома водки выпей.

– Выпью.

– И как тебя не вывернуло от всего этого?

– А меня вывернуло. Не заметил? Ты там не замарайся.

– Постараюсь. Да, вот еще что, совсем из головы вон. У нас в районе начальство сменилось.

– И что?

– А то, что новые начальники, как та метла, всегда по-новому метут, только всякий раз с одного начинают.

– Новый макет?

– Что? Какой макет?

– Это я из прежней жизни. Когда в газету новый главный приходит, он всегда перво-наперво макет меняет, ну, внешний вид.

– У кого как, а у нас новое руководство вытаскивает из-под сукна то, что прежнее туда упрятало. Отчеты, жалобы на сотрудников, «висяки». Это я к тому, что могу снова производство открыть. Я о корабле твоём.

– Не надо. У меня претензий нет, да и тебе, Игорь Григорьевич, лишние хлопоты ни к чему.

– Вы бы, гражданин Дубинин, лучше о себе подумали. – Егоров подчеркнуто перешел на «вы», показывая тем, что это он не всерьез. – А обо мне печалиться не надо. Может, это дело мне спать спокойно не дает, допускаешь такое? – Участковый милостиво вернулся к «ты». – Может, у меня это профессиональное. Потому что пятно на репутации: не расследовал, не привлек, не посадил. Это как грязь в своем доме – не вымел, а должен был.

– А ты, Игорь Григорьевич, забудь.

– Значит, не будет заявления?

Непрост был Егоров. Даром что ростом не вышел, что каблуки надставлены, что краснеет... Ах, да, еще у него две руки равно «рабочие», обеими ловко действует, особенность такая врожденная. Все так, но загляни под козырек – глаза колючие и пронизательные, и с хитринкой, как у Анискина в старом фильме. Неужто они все такие, деревенские детективы?

– Не будет.

– Уверен? Смотри не прогадай.

– Уверен. Я пойду?

– Иди.

Егоров приподнял руку, и если бы чуть выше, а потом ослабил, бросил, это выглядело бы так, что он махнул рукой и на Олега, и на его сгоревшую собственность. Отныне и навсегда. Но рука не поднялась до нужной отметки, а направилась в карман, наверное, за платком, чтобы вновь сунуться им под фуражку.

– Сигареты оставишь?

Олег протянул пачку:

– Там мало.

– Сколько есть, столько и согдится. Не, огня не надо, спички имеются.

* * *

Ничего интересного за стеклом не было. Все то же, все обычно: те же люди, те же машины, лужи в радужных мазках бензина. В лужах ничего не отражалось. Небо над Москвой было серым.

– Что ты молчишь? – Голос дочери ударился в спину.

– Я слушаю.

Хотя, нет, сегодня за стеклом все то же плюс озеленители. Деревья уже спилили, сейчас срубали ветки. Трактор подтащил вихляющийся прицеп, чтобы забрать мусор. Потому что час назад это были деревья, а теперь мусор. И опять же, нет, не так, они не были деревьями. Это были выморощенные, полусохшие-полусопревшие жертвы смога и противогололедных реагентов.

– Я тебя слушаю, – повторила Ольга. И наклонилась, приблизив лицо к стеклу.

Рабочие корчевали пни. Экскаватор вычерпывал отравленную землю. В яму ставили саженец с обернутой рогожей корнями. Один из рабочих разрезал веревку, куль распадался. Яму засыпали свежим грунтом. Потом топтались-утапывали. Втыкали две палки, привязывали к ним деревце. Все, можно корчевать дальше.

Ольга попыталась вспомнить, сколько раз это происходило под их окнами, чтобы выкапывали и сажали – и не вспомнила, не удержалось в памяти. Два? Три? В городе, вдоль шоссе, деревья не задерживались. Умирала. И эти обречены, и эти умрут.

– Я все сказала, – фыркнула Лера.

Ольга повернулась и будто ударились о взгляд старца Ириней, взиравшего на нее сквозь стекло серванта. Фотография стояла рядом с иконой Богородицы. Ольга хотела перекреститься, но не стала, испугавшись насмешливых глаз дочери. И, рассердившись на себя за этот испуг, сказала резко:

– У тебя не получится.

Лера сидела на диване, разведя ноги так, что юбка натянулась коленями. Ольга подобного себе никогда не позволяла и – было такое – выговаривала дочери. Но это давно, когда ее слово что-то значило. Теперь дочь выросла. И считает себя взрослой. Со своими понятиями обо всем, в том числе о пристойности.

– Почему?

– Я знаю.

– Ты все знаешь!

Лера скрестила руки на груди... под грудью. Декольте было большим. Вызывающе. Ольга подумала, что, может, в этом все дело – и натянутая юбка, и поза, и декольте, и татуировки на плечах, краешек одной паучком выползал из-под ткани. Это вызов ей. Заслужила – получи. И не заслужила – получи.

– Не все, но его я знаю.

– Ой-ой-ой! Не обольщайся. Когда знают, не спотыкаются. Кабы знала, он бы сейчас здесь сидел, при тебе. А он тебя бросил. И меня до кучи.

– Это я его выставила!

– Если тебе легче не себя, а его судить, тогда конечно. Да, Господи, зачем я тебе это говорю?

– Потому что я мать! – Ольга сказала это зло и не испугалась своей злости: – Дочери обычно делятся со своими мамами.

Лера тряхнула головой:

– Делятся, когда рассчитывают, что им помогут. Хотя бы поймут, посочувствуют.

– Я сочувствую.

– И при этом ничего не делаешь.

– А что я могу?

Ольга лгала. Она могла позвонить и попросить. Потому что Олег ей должен и помнит об этом. Или она напомним. Вот только стоит ли взыскивать долг сейчас? Да, Лера, дочь... Но ведь дурью мается! И парень ее... Не жених, а полуфабрикат какой-то. Они через месяц разругаются и разбегутся, а с чем останется она? Лишь этот долг связывает ее сейчас с Олегом. И другого не будет, не нужна она ему ни в каком качестве.

– Если я позвоню, это ничего не изменит.

– Я не прошу тебя звонить.

– Так что же тебе надо?

– Я с отцом сама поговорю, а он может спросить у тебя, насколько у нас с Денисом серьезно. И я хочу, чтобы ты сказала, что у нас все очень серьезно. Не веришь? И не верь, другого не ждала. Только выхода у меня другого нет, кроме как отцу в ножки кинуться. Ты в курсе, сколько стоит снять квартиру? Даже на окраине, даже за кольцевой? Жуть! А мы студенты, откуда у нас такие бабки? Денис вообще приезжий.

– Это и настораживает, – сказала Ольга раньше, чем успела остановить себя.

– Ты тоже не из столичных штучек, – парировала Лера. – Явилась с каких-то диких выселок, чтобы в институт поступить, дохтуром стать. Провинция – это, мамуля, неистребимо. А ведешь себя так, будто москвичка в седьмом поколении.

– Не хами!

– А чего ты обижаешься? Это же правда. Тебе было трудно, вот и Денчику трудно и учиться, и работать. Что получит на чай в рестора-

не, все его, но и только, на родителей надежды никакой. Они ему простить не могут, считают, что он их кинул. Ишь ты, подался в столицу образование получать, нет чтобы навоз за баней месить, кур кормить и на полудохлом заводике за гроши горбатиться. У меня, конечно, с этим получше, по крайней мере без дерьма за баней.

– Ты сама захотела самостоятельности. И ушла из дома. Я тебя не гнала.

– Я не ушла – сбежала. Потому что мне тут... – Лера чиркнула ребром ладони по шее. – То нельзя, это, каждый день отчет: где, когда, с кем. Так этой заботы накушалась, что из ноздрей прет, как газировкой с перепоя.

– Тебе и это знакомо.

– Брось ханжить, мамочка. Хотя тут не твое, перепоем я в папеньку, его гены. Короче, в общежитии нам комнату не выделяют, нечего губу раскатывать. Там штамп в паспорте предъяви, а потом они еще поглядят, давать или нет. И откат, как же без отката? Не подмажешь – не поспишь. Это мы проходили. Я за койку им будь здоров отвалила, я же местная, прав на общагу не имею.

– Я в курсе, – сухо произнесла Ольга. – Это были мои деньги.

– Ну, да, твои. Отстегнула, и живи, доченька.

– Опять хамишь!

– За деньги тебе спасибочки, но я к чему... Если за койку столько отдать пришлось, то за комнату – просто мрак. И сюда нас ты не пустишь. Ведь не пустишь? Найдешь, чем отговориться: мужчина, чужой человек... Или тоже штамп потребуешь? Только мы с этим не торопимся. Хотя искушение есть – фамилию сменить. Побыла Дубининой – и довольно, по крайней мере Дубиной никто не назовет, и Дубинушкой тоже. Но с браком мы все же погодим, так проживем, свободными. Тем более я не беременна. Я вообще ребенком к себе Дениса привязывать не собираюсь. Потому что и это не гарантия.

– Что ты имеешь в виду?

– Да все то же. Захочет папашка свалить – свалит, ни на что не посмотрит. Мне ли не знать? В общем, так: жить мы хотим вместе, жить нам негде, а у отца – квартира.

– Там Путилов, ты же знаешь.

– И что?

– Они друзья с Олегом. Как он его выставит? Тем более что у Бориса семья, проблемы.

– У дяди Бори всегда проблемы! Ладно, помог другу – медаль тебе на грудь, теперь дочери помощи. Сам живешь, дай другим пожить. Отец сейчас в шоколаде, на свежем воздухе, на всем готовом, еще и корабль... Забавляется! И девка эта, ты мне сама рассказывала. Наверняка не оставляет благодетеля без внимания.

– Не смей! – проговорила Ольга со всей возможной твердостью и даже ногой топнула – так, что в серванте задрожало, мелким звоном откликнулось стекло. – Она ему благодарна, это естественно, а все остальное – не смей.

Лера расплылась в улыбке, которая заслуживала пощечины:

– Ага, была несчастной уродиной, и вдруг все при ней – и кожа, и рожа. И не без твоего участия, между прочим, мамуля. Ты же не думала, что так выйдет, а надо было вперед заглянуть. Теперь хлебай. А что благодарна... – Лера закатила глаза и потянулась довольной кошкой, одарив мать еще одной вкрадчивой мерзкой улыбочкой: – Одинокий мужчина, одинокая женщина, вот и встретились два одиночества. Что тебя это не задевает – не верю. А если так, то тем более странно, ведь должно колоть под ложечкой, ты же ему пока жена. Ну а мне так вообще пофиг, есть у них что промеж собой или они по вечерам книжки вместе читают. Я о другом. Порадел об убогой – молодец, теперь о дочке позаботься, которой голову приклонить негде, кровиночке. В конце концов, отец он или нет?

Ольга сцепила руки, чтобы утаить дрожь в пальцах.

– Ладно, разговаривай с ним, проси. Если позвонит, я скажу, что у вас любовь до гроба. Только предупреждаю – утрешься.

Дочь уперлась ладонями в колени, рывком подняла себя с дивана.

– Утрусь – тоже результат. Был у девочки какой-никакой папочка и не будет. Я и раньше сомневалась, больше не буду.

За спиной Ольги, за окном, на улице что-то затрещало и ухнуло. Озеленители свалили еще одно дерево.

Она оглянулась. За стеклом был город, так и не ставший ей по-настоящему родным. Потом медленно повернула голову.

Ириной был безмятежен. Богородица добра. Между ними стояла фигурка вырезанного из бумаги ангела с младенческими кудельками и трубой, глас которой взывал к небесам.

* * *

Пройти надо было где-то с километр, у кривой березы свернуть в лес, потом еще километр – и берег озера. Там, в заросшей кувшинками старице, его ждала лодка.

Олег прошел мимо «уазика». Лобовое стекло машины было подернуто пылью.

По личным делам, а часто и по служебной надобности, Егоров ездил на SUZUKI VITARA, которой не исполнилось и трех лет и которая была в идеальном состоянии. И про которую никто в Покровском и соседних деревнях не посмел бы спросить: а, собственно, откуда? Не решились бы даже под градусом, потому что большинство сельчан участкового уважало, кое-кто побаивался, и ни те ни другие, хотя и по разным причинам, не хотели, призывая к ответу, ставить его в неловкое положение.

«Зачем?» – подмигивал, скаля желтые зубы, Тютелька.

И впрямь, зачем спрашивать, если известно – откуда. «Черные лесовозы» не просто так по окрестностям катались. Рубили да валяли в других местах, но на пилораму везли в Покровское. Упрись участковый рогами из-под фуражки, качни права, пригрози, лесорубы мигом другую пилораму найдут, а на покровской полтора десятка деревенских мужиков вкалывают, и у каждого семья, и куда им тогда? Игорь Григорьевич прямым, как оглобля, не был, расклады понимал, и, главное, понимал, что варианты есть, а выхода нет. Потому и поступал соответственно – к общему благу, и своему в том числе, как-никак он и сам член «общества». При этом не зарывался и лишнего не требовал. Народ это ценил особо, потому как другие на его месте уж точно края бы растеряли. Но лесовозы, пилорама – с этим просто. Участковый и в другом себя правильно ставил: со Славкой Колычевым по совести рассудил, с тем же Тютелькой по-человечески обошелся. Однако были и те, к кому Игорь Григорьевич относился без всякого снисхождения. Олегу рассказывали, что за пару лет до него объявились в Покровском двое москвичей, дом старый купили, подлатали и высадили на участке коноплю. Так участковый тянуть не стал и так все повернул, что москвичей как ветром сдуло – и дом бросили, и дурной свой урожай. Коноплю Егоров скошил и сжег, а Тютельке, что «на огонек» завернул, сказал, чтобы тот другим донес: «Пить – пейте, а дури в Покровском не будет». Сказал, как гвоздь забил.

И такому человеку японскую иномарку в вино ставить?

По Старой дороге «японка» и после дождя прошла бы запросто, с ее-то всеми ведущими. Но «сузучку» Егоров жалел даже поболее своих ботинок, поэтому на место происшествия отправился в служебном «уазике», который, несмотря на хрипы в моторе, был еще очень и очень. Только зря опасался участковый, полотно уже подсохло, лишь диски колес посеколо грязными брызгами.

За поворотом была лужа, за ней другая. Муть, взбитая колесами, еще не осела. Дальше лужи становились больше и глубже, дорога расширялась – лесовозы брали в бок, объезжая промоины, и разбивали полотно, вминали в землю кусты по обочинам. За кустами были деревья, и все больше сосны, они раскидывали ветви, и те почти смыкались над дорогой, создавая пробитый лучами солнца навес – веселый и радостный, как маркиза над летним кафе, совсем не похожий на мрачный шатер елового леса. Под этим пологом по осени и ранней весной застаивался туман, а летом, даже самым знойным, сохранялась приятная, чуть влажная тень. Но это людям приятно, а дорога кисла, во многом потому и стала Старой, в затяжные дожди проезжей лишь для «уралов» и внедорожников поменьше, тех же «витар», «уазиков» и им подобных, которым все нипочем.

Вот и кривая береза, словно стыдящаяся своего уродства и потому отшатнувшаяся от соседки-сосны. Олег свернул в лес.

Сначала лес был прозрачный, приятный ногам и глазу, но вскоре загустел и еще метров через сто стал неотличимым от того, где нашли свой конец залетные. Только уклон меньше. А так все одно: черные сухие ветки лопались под ногами, горбатились еловые корни, вверх по стволам полз мертвенно-серый лишайник, прятал от неба землю изумрудный папоротник, и зря прятал, не было неба над ним.

Олег шел быстро. Еще немного – и речка Черная, но ему за нее не надо, ему к старице. На лодке от старицы до усадьбы двадцать минут.

Деревья стали ниже, света больше, папоротник отступил перед крапивой. Он взял правее. Впереди одна преграда. Противотанковый ров, оплывший, заросший, но по-прежнему глубокий и таящий опасности. Хотя какие там опасности, просто варежку не разевай. Столбы ограждения давно сгнили, а колючая проволока кое-где уцелела. Ржавая и этой ржавчиной скрюченная, она не ушла в землю, а поднялась над нею вместе с выросшими деревьями и кустами. Этой проволоки и следовало остерегаться. Как-то Олег не углядел и раскровянил бедро, потом долго заживало.

Вот и ров. С ходу бегом – вверх, на отвал, потом вниз, где сыро, а в бочажках, выстланных гнилыми листьями, черная вода. И снова вверх.

Когда ров копали, не о том думали, что станет с ним по весне, потекут по нему талые воды к озеру или застоятся. Вот и получилось, что не текли, а собирались и потом до середины лета уходили в землю, да и то не все и не везде. Тогда о другом думали – о немецких танках. Их должен был остановить ров, вырытый местными деревенскими и привезенными из райцентра гражданскими. Или хотя бы направить на дорогу, прикрытую блиндажами. Хотя, может, и думали, и специально отрывали так, чтобы весной ров, полный воды, стал вовсе непроходимым. Да, может, и так, потому что осенью 41-го стало ясно, что война скоро не кончится, раз немцы уже в Москву стучатся, и будет еще год 42-й, да и его вряд ли хватит, чтобы оборониться и вперед пойти.

«Про то лишь товарищ Сталин знал и Бог», – поджала губы Анна Ильинична Егорова, поведавшая по случаю, как оно здесь было в начале войны. Сама она девчонкой была сопливой, но ее мать с собой брала, не на кого было оставить, всех покровских мобилизовали «на рвы».

«Так уж и Бог?» – сказал он, чтобы что-то сказать.

Анна Ильинична посмотрела удивленно:

«А кто еще, милый ты мой. Евфимий к тому времени уж почил, а был бы жив, у него спросили бы. А без Евфимия к кому? Только Господа и вопрошать. У Сталина-то не спросишь, к нему доступа нет».

«А к Господу, значит, есть?»

«Конечно. Потому что между тобой и Господом никого нет. Все остальные – рядом, и родные, и самые близкие, и священники не впереди, они те же люди, такие же».

Он кивнул. Не соглашаясь и даже не показывая тем, что слушает, а напоминая себе, что уже было это, слова такие. Голос был другой, мужской, твердый, крепкий не молодостью, но верой, а слова схожие. И даже перестук колес почудился как сквозь вату, словно издалека.

«Поэтому молись, и услышан будешь. Сам молись, никого о том не проси, не передоверяй. Вон, Евфимий, тот страсть как не любил, когда его помолиться просили, даже о здравии, даже за упокой. Мне мать рассказывала, что сердчать начинал, говорил, что всякий на земле грешен, что от грехов в ските не спрячешься, за монастырскими стенами не укроешься, что в грехах своих мы все перед Господом равны, а грешника о молитве просить – что воду болотную пить. Вот как хочешь, так это и понимай. И молись, сам молись. И ответ будет, а как же? Только понять, что сказано, дано не всякому».

«Для этого верить надо, а у меня с верой не очень. В церковь не хожу, службы не отстаиваю, не исповедуюсь».

«Иногда не через веру к молитве приходят, а через молитву к вере. Ты попробуй. И чтобы исповедаться, не обязательно в Бога верить. Ему и того достаточно, что ты душу раскрыл».

«И вы молились? Тогда, в сорок первом?»

«И я, и мать. В те дни многие о вере вспомнили. Толковали между собой: отступились – вот и воздаяние. Только с этим не все соглашались, потому что Господь милостив. Иконы жгли, колокола сбросили, церкви в амбары превратили, но чтобы за это войной карать?»

«И как оно там было, на рву?»

«Тяжко. Деревенские еще ничего, держались, они к такому труду привычные, а вот была там учительница из райцентра, худенькая, беленькая, лицо в конопушках, так она копала, копала, да вдруг осела и глаза закатились».

«Умерла?»

«Отходили. Побрызгали водой, она в себя и пришла. Но больше ее к тачкам и лопатам не подпускали. Она с детьми возилась, я же не одна там была, ребятишек хватало. Те, что постарше, воду носили. Упаривались люди, а мы им кружки с водой. А маленьких совсем на телегу сажали, и она, учительница эта, с ними ездила. На телеге бочка, вокруг ребятишки, а старшие рядом шли, с кружками. С этой телегой мы везде побывали – и на рву, и на блиндажах. И в том сорок первом, и в следующем, в сорок втором. Только на следующий год у нас уже другая коняга была».

«А чего так?»

«Ту, первую, осколками посекло. Наверное, вылечить можно было, не так уж сильно побило, но лечить не стали – съели. Тут как было... Уже в конце июля стали ров копать, траншеи всякие, доты строили, для них цемент и железо на пароходах по озеру подвозили. Работали как оглашенные, жилы рвали. Ну я уж говорила, да и что говорить... Когда не-

мец подошел, тут его и остановили, перед самым Покровским. Дальше не пустили. А снаряды ихние залетали. Сначала пристань сгорела, та, что у Мизинца была. Потом храм по камушкам разнесли, одно крыльцо целело. Все еще дивились: стен нет, а крыльцо есть, и ступени, по ним поднимешься, а за ними ничего – кирпичи, полынь и погост с крестами. Два года друг против друга наши с немцами простояли. – Егорова поправила платок, синий в цветочек, с узлом под подбородком. – Нас-то, покровских и полымских, в конце сентября в райцентр вывезли. Сомнения были, что удержатся наши. А они удержались. Весной разрешили вернуться, это когда немцев чуток отодвинули. Воротились и мы с матерью. Дом наш цел оказался. В нем солдаты постоем стояли. Загадили, конечно. Но другое хуже... Осенью мать захоронки сделала. Картошки немного спрятала, мешок с крупой, полкадушки капусты квашеной. Очень мы на эти захоронки рассчитывали. Так нашли их солдатики, и ту, что в погребе была, и ту, что в огороде. Подмели начисто. Им, конечно, тоже несладко было зимой-то. Мать как разор этот увидела, так и забилась. Кричала, что все уж теперь, не выжить. За неделю до этого она похоронку получила на мужа, отца моего, и не отошла еще, не смирилась. В общем, остались мы вдвоем на всем белом свете, а в избе втроем».

«Втроем?»

«Тося с нами была. Та самая учительница. Антонина, а для нас Тося. Мы в райцентре у нее жили, а весной она с нами поехала, потому как работа кончилась».

«А что за работа?»

«Ох, ты ж, старая, скачу с пятого на десятое. В райцентре мать с Тосей в заводи работали. Речка там есть, да ты знаешь, небось, она к монастырю тянется. Речка невеликая, болотная, но перед озером широкой становится. Вот это место мы заводью и называли. Там перед зимой пароходы укрыли. Прижали к берегам, под деревья, чтобы с воздуха видно не было, и оставили до весны. Но немец их разглядел, бомбил, попал во многие, но ни один не утоп, они в лед вмерзшие были. Ну так вот... При пароходах этих были будки с печками, и сторожа в них. Потому как без сторожей нельзя, на пароходах приборы разные, и вообще... объект. Вот такими сторожами моя мать с Тосей и числились. Двое суток на дежурстве, сутки дома. Так всю зиму и просторожили. А по весне, как лед на озере вскрылся, в заводь бригаду ремонтников прислали, чтобы, значит, пароходы на воду вернуть. Тут надобность в сторожах и отпала».

«И вы поехали в Покровское».

«Ну да. И Тосю с собой взяли. Она же одинокая была, и работница никакая. Школьников еще осенью дальше вывезли, эвакуировали, а сторожихой ее мать моя пристроила, она и опекала. И куда ей было податься? Или с нами, или в могилу с голодухи. В общем, приехали мы, а захоронок-то и нет, выгребли. Поубивалась мать, и Тося с ней, потом сели они и

стали рядить, что дальше делать. Колхоза нет, скотины нет, сажать-сеять нечего, да и немца хоть отогнали, а он все равно тута, недалеча, постреливает. Отправились они тогда к командиру полка, что оборону держал, у него в Покровском командный пункт был. И вот же добрый человек, не отмахнулся. Стали они продукты и другое разное, что требовалось, по окопам развозить, и в Польмя ездили, и дальше по берегу. Телегу им дали с лошадью, а Тося ее как увидела, так и разревелась. Та самая! Ну лошадь та самая, на которой минувшей осенью она воду возила. Только недели не прошло, как приметили их немцы – и снарядом! Они, мать моя с Тосей, как раз лодку нагружали. Ее с Косого острова прислали, там тоже наши были, пулеметчики. И вот грузим мы лодку...»

«И вы с ними ездили?»

«А куда меня девать? С ними. Значит, грузим мы лодку, и вдруг свист. Снаряд! Солдат, который с лодкой приплыл, кричит: «Ложись!» – и в кусты. А мы-то знаем, ученые, что перелет, раз свистит, и не шибко-то испугались. И лошадь наша тоже была войной обученная. Только голову к земле опустила, стоит, ушами прядает. Второй снаряд в воду упал. Тут уж и мы в стороны прыснули, а то как раз посередке, и третий к нам прилетит, уж так заведено в артиллерийской науке. А лошадь осталась. Тогда ее осколками и порезало».

«А дальше что было?»

«Дальше? Тося плакала, но ведь это как посмотреть: жалко, конечно, а с другой стороны – счастливый случай, коли уж подвернулся – держи. Мы потом долго ту конину ели. И солдатикам с Косого перепало, да поболее нашего. Это чтобы не болтали лишнего: убило кобыляку – и все тут, на куски порвало. Тот из них, что при лодке был, как из кустов вылез, про счастливый случай и сказал. Он и лошадь забил, разделявать помогал. Матери помогал, я-то мала была таким делом заниматься, а Тося не смогла, убежала. Лошадь нам потом новую выделили. Так мы и ездили втроем и весну, и лето, и осень, а там и немца погнали. Сдали мы телегу под расписку, конягу по морде погладили, попрощались с командиром полка и стали в мирную жизнь вживаться».

Егорова спохватилась:

«Заговорила я тебя, Олег. Ты же к Игорььку пришел, а я тебя былым мучаю».

«Так мне же интересно».

«Вот уж будто? – не поверила Егорова, но видно было, что ей приятно. – Игоряша тоже говорит: интересно, и все выспрашивает. И про деда своего тоже. Отец мой по милицейской части был, а как война началась, помогал военным тут оборону выстраивать. Дома появлялся наскоками. А на фронт в декабре ушел. Нашел нас в райцентре, попрощался. А повоевал недолго, убили его под Ржевом. Пал смертью героя! – Анна Ильинична произнесла это с тихой гордостью. – Так вот когда покрепче

была, я Игорьку все места показала, куда мы тогда с матерью и Тосей ездили. А то помру, кто помнить будет? А помнить надо, как оно тогда было, через что пройти довелось».

«В прошлом лишнего не бывает, – он согласно наклонил голову. – Все важно. А где сын-то ваш, Анна Ильинична?»

«К обеду обещался приехать. Ты бы позвонил ему, у него телефон всегда с собой.

«Я пробовал. Не отвечает».

«Значит, далече где-то. А что пришел-то? Или секрет?»

«Да с кораблем моим...»

«Что, нашли поджигателя? Или думаешь на кого?»

«Нет. Я про то, что, может, и не было его».

«То есть как: пожар был, а поджигателя не было?»

«Случается такое с электричеством. Короткое замыкание, искра – и все.

«Ой, темнишь ты что-то».

Он поднялся:

«Ладно, Анна Ильинична, дело это неспешное, так что поклон от меня Игорю Григорьевичу. Пойду. Загляну в магазин – и до дому.

«А может, погодишь? Я шей наварила».

«Нет, спасибо. До свидания».

Он надел куртку, нахлобучил шапку и спросил от порога:

«А что с женщиной той, с учительницей, стало?»

«С Тосей? Померла она по весне, через месяц после Победы. За церковь ее похоронили, за развалинами. Пока мать была жива, ходила, ухаживала за могилкой. Потом я прибиралась. Теперь Слава Колычев ухаживает. – Егорова сморгнула слезу, но не получилось, достала платочек из рукава, им промокнула. – Помню. Все помню. Хворала она тяжело. Я ж говорю, слабая она была, худющая, в чем только жизнь держалась».

«А сама она за жизнь держалась?»

«За нее всякий держится», – рассудительно проговорила Егорова.

Олег и сейчас помнил тот взгляд – пронзающий и острый, как бритвой по щеке. Совсем не старушечий, не на 80 лет. Такой взгляд подошел бы девушке, оценивающей нового знакомого на предмет дальнейших отношений. Или следователю, молодому, полному надежд и рвения.

После рва с его отвалами еще немного – и старица.

Олег перепрыгнул через окоп, оплывший, обмелевший, заросший, но еще сохраняющий контуры. Много их тут, куда ни шагни. На совесть укрепрайон ладили.

Он вышел на берег. За ветками чернотала, за старицей, за кувшинками, за дрожащими ресницами тростника блестело озеро. Когда-то

оно разделило своих и чужих. Наши были на этом берегу, немцы на том. И рыли, рыли те и другие, перелопачивали тысячи тонн земли, ворочали камни, валили деревья, стелили накаты. Капониры, блиндажи, землянки, траншеи, стрелковые ячейки... На этих рвах, в блиндажах, в окопах, траншеях залетные и шарились.

* * *

Не помогла сигарета. Но время убила.

Пора. Дубинин уже далеко, а бригада из района близко.

Егоров полез через кусты. Ноги опять утонули в каше из песка и листьев. Еще и ветка хлестнула по лицу, чуть фуражку не сбила.

Вот и квадроцикл. Вот мертвые залетные. Ничего не изменилось, да и не могло измениться. Только несколько мух припали к засохшей крови. Он повел рукой – мухи поднялись, убрал – вернулись.

На багажнике квадроцикла был закреплен внушительных размеров пластиковый бокс с вмятиной на боку. Видимо, когда квадроцикл вломился в лес, бокс приложило о дерево. И как только не раскололся! Тем же ударом с крючков сбросило петли защелок.

Егоров поднял с земли щепку, подцепил крышку бокса, приподнял. Да, нарушает, да, не по инструкции, вопреки ей. Но никому ничего плохого он не делает и не сделает. Ведь залетным уже все равно, а перед мертвыми чего виниться, куда им с нашими извинениями?

Крышка подалась легко. В боксе было много чего навалено. Две складные лопаты. Металлоискатель с телескопической ручкой. Садовые совки. Свернутые в рулоны капроновые сетки с ячейками разных размеров – от крупных до совсем мелких, чтобы просеивать землю. Еще какие-то инструменты неясного назначения. Черные мусорные пакеты. С содержимым...

Той же щепкой Егоров приоткрыл один – какие-то железки, большинство совсем проржавевшие, и гильзы. В другом пакете была солдатская фляжка и алюминиевая ложка с загнувшейся винтом ручкой. В третьем тоже железки.

Того, что могло быть в боксе, в нем не было. Да и не должно было. Это он оттягивал...

Как ни берегся, на пальцах появились пятна масла и смазки. Он вытер пальцы платком, теперь им под фуражку не полезешь.

Закурить, что ли? Он полез было за пачкой, но остановил себя: две штуки, надо приберечь, еще понадобятся.

Он коснулся рукой того залетного, что навалился грудью на руль, будто обнял его, чья шея была сломана, а голова вжата в плечо. Этот парень был у залетных за главного: он разговоры вел, за двоих отвечал и обещал за двоих. С него и спрос. К тому же он не в толстовке, как напарник, а в куртке. С карманами.

Их было много – накладных, с клапанами. Искомое обнаружилось в правом боковом. Лист плотной бумаги, большой, с противень, был запаян в целлофан, а потом несколько раз сложен до размеров почтового конверта.

Егоров развернул лист, хотя и так было ясно: оно! Затем вновь сложил лист по граням и убрал в свой карман, и даже прихлопнул по нему, точно желая удостовериться, что там он, в надежном месте.

Теперь можно и на дорогу, бригаду дожидаться.

Он повернулся. Опять ты! На пне сидела лягушка. Здоровенная. Может, та самая, что сколько-то минут назад вывернулась, напугав, из-под его ноги. И пялилась, раздувала горло.

* * *

Речка Черная к безымянной старице отношения не имела, она впадала в озеро левей. Тогда почему – старица? Как-то Олег спросил об том у Анны Ильиничны, так и она не сказала. И Мария Филипповна тоже плечами пожала: «Старица и старица». А уж если Егорова с Колычевой того не знали, то спрашивать других смысла не было. Даже Тютелина, который даром что без царя в голове, а в голове кое-что хранил, да и краснобаем был редкостным.

Возможно, эта канава, местами затянутая ряской, никогда не была руслом реки, а была именно что канавой, кем-то когда-то вырытой. Но кем, когда, зачем? С противотанковым рвом – понятно. Как и с копанкой на том острове, что напротив монастырского. Протоку вырыли монахи, чтобы сократить путь до карьера: они возили на лодках песок и так срезали крюк километра в три. Возили до тех пор, пока не истощился карьер, но к тому времени монастырь уж отстроился: и собор возвели, и колокольню, и гостиный двор для паломников, хозяйственные постройки. Не нужна стала копанка, но не заросла напрочь, уцелела, ею и сейчас байдарочники ходят. В общем, с ней понятно, отчего и почему, а тут – зачем? И кто?

Но вот и лодка, она у него хорошая, «бестер-450». Мотор вообще отличный, Yamaha на 20 «лошадок», больше и не надо. Все на месте, да и куда что денется? Туристов здесь не бывает, тут берега заросшие, не то что палатку поставить, и не пристанешь толком. Местным тоже делать нечего, если только кто за грибами на Плесь поедет, но местные его лодку знают.

Олег ступил на ствол упавшего дерева – оно окунуло мертвую крону в воду, а мертвыми корнями еще держалось за землю. К нему он причалил, к нему и лодку привязал.

Корзина, пусть и не тяжелая, нарушала равновесие. Олег отвел свободную руку в сторону, растопырил пальцы, готовый вцепиться в воздух. Сделал три мелких шага и схватился за алюминиевый борт. Поставил корзину. Забрался сам.

Подвесник завелся с полпрывка. На самом малом Олег направился к выходу из старицы. Намотать на винт водоросли он не боялся. На «лапе» мотора была металлическая пластина с остро заточенным краем.

Такую конструкцию – с лезвием, похожим на кукри, нож непальских гуркхов, – он отыскал в Интернете, потом самолично клинок выпилил, изогнул и закрепил. А узнал о ней раньше – во время круиза по Средиземке. У Липарских островов, ночью, он как раз был на вахте, они влетели в «рыбацкое поле» – мешанину расставленных сетей. У него екнуло под ложечкой: это ж та еще напасть – намотать сети на винт – нырять потом, срезай. Но шкипер, человек бывалый, его успокоил, потому что в марине, принимая яхту, проверив паруса, работу приборов, уровень солярки в топливном баке и много чего еще, специально поинтересовался у представителя чартерной компании, есть ли у винта лезвие «антисеть», и тот заверил, что, да, имеется. Так что волноваться не о чем, ну порежут одну-другую, так рыбачки сами виноваты, нормальные буйки надо ставить, с подсветкой, а не старые канистры вешать. Обошлось, однако, без экзекуций: мотор включать не пришлось, как зашли под парусами, так под ними и вышли, счастливо миновав рыбацкие ловушки Тирренского моря. Хотя, конечно, такой нож не панацея, могли сеть килем прихватить и пером руля...

Тот случай вспомнился здесь, на озере, когда пару раз у винта срывало шпонки, и ему приходилось братья за весла. Вот он и «вооружил» мотор надлежащим образом. С тех пор водяную зелень подвесник шинковал, как повар капусту. А случилось, и сети браконьерские кромсал, те, что притапливали не слишком глубоко.

Егоров считает, что из-за порезанных сетей все и вышло. Был у них в свое время о том разговор.

«Не боишься, Олег?»

«Чего?»

«А того самого. Спасибо скажи, что народ у нас мирный, а то ведь можно и заряд дрови из кустов получить. Так, чтобы не насмерть, а для острастки и науки».

Позже, после пожарища, участковый в своем мнении утвердился:

«Из-за них спалили, Олег, из-за сетей. А ведь я предупреждал!»

Только ошибается Игорь Григорьевич...

В старице вода была гладкой, как черное расплавленное стекло, но и озеро сегодня было тихим. Ни ветерка, дальний берег затянут дымкой. Это значит, есть на то примета, что быть к вечеру дождю, а до него шквалистому ветру, и будет он от северо-запада, со стороны райцентра, сначала его потреплет, потом прошелестит по деревьям полста километров, после чего доберется сюда и разгонит волну. Но пока тихо.

Олег взял правее, чтобы обогнуть остров Косой.

Вообще-то остров правильнее было бы называть Кособоком, только это длинно. А потому правильнее, что остров действительно кособочился. Он напоминал запятую: где «хвостик» – там порос камышом, а где «кружок» – клонился так, словно хотел нырнуть в воду, да отчего-то раздумал. Тот край «кружка», что был обращен к северу, представлял собой косогор, местами отвесный, по весне подмываемый паводком, а до того терзаемый ледоходом. Южный край был с длинным пляжем, и там еще долго было мелко. На этом мелководье хорошо брала уклейка.

На Косом острове – тащил его когда-то ледник, кряхтел и пыжился, но выдохся и бросил – летом часто останавливались байдарочники. Иногда только переночевать, и эти гадили больше, чем те, кто задерживался на несколько дней, те кое-как прибирались.

Олег приезжал на остров со Славкой. А раньше еще и с Шурупом. Тому стоило оказаться на берегу, как он начинал радостно безумствовать, то повизгивая, то заливаясь лаем. А Славке здесь была самая пахота. Лишь поначалу лицо его кривилось, на глаза наворачивались слезы, руки повисали бессильно.

«Не плакать!» – строго говорил Олег.

Было у них на Косом укромное место – яма, оставшаяся после скатившегося по склону валуна. Камень успел вновь врасти в землю, а яма на прежней его лежке осталась, пусть и приглаженная временем. В этой яме Олег разводил костер и сжигал все, что приносил Славка.

На острове были окопы – с косогора хорошо просматривался вражеский берег, – россыпь стрелковых ячеек. Огонь запалить можно было и в них, но в самый первый раз, выбирая место для костра, Олег обошел их стороной.

Когда солнце скатывалось к лесу, Олег залезал в лодку, чтобы поймать вечерний клев, а с ним и впрямь что-нибудь поймать, тех же уклеек, тоже рыба.

Он подсекал, выуживал, забрасывал снова, а Славка все причесывал да прихорашивал остров. Закапывал жестянки и бутылки. Собирал в кучки головешки у костровищ. Всякую бумагу – линияльные газеты, салфетки, обертки – бросал в костер, и туда же разную пластмассу: огонь все стерпит.

Олег тянул до последнего, потом сматывал удочки и отправлялся за Славкой и Шурупом.

Звереныш, топыря лапы, запрыгивал в «бестер». Потом в лодку сел Славка. Заглядывал в глаза благодарно и преданно. Хватался за весла. На моторе было бы быстрее, но Славке нравилось грести, и это еще несколько минут рядом с дядей Олегом.

На причале их ждала Колычева. Она всегда встречала их, когда они ездил на Косой: темно все-таки, поздно.

«Мама! – кричал Славка. – Мама! Мы плывем».

Мария Филипповна не отвечала, оставаясь безмолвным силуэтом, вырезанным не слишком умело – ни талии, ни шеи – из черной бумаги. В силуэт ее превращал фонарь у причала, маяк, желтая бусина, зажигающаяся от фотореле, остальные фонари на территории усадьбы требовали ручного вмешательства. И этот фонарь, укрывшийся за спиной, окружал Колычеву светящейся каймой. Это было красиво, почти волшебное.

«Мама!» – кричал Славка.

Нос лодки ударился о причал. Колычева подхватывала веревку, привязанную к носовой утке.

Славка ставил на помост Шурупа, и тот уносился к дому, к миске, в которую налила молока эта замечательная добрая женщина.

Выбирался на причал и Славка. Он что-то говорил, быстро-быстро, захлебываясь словами. И не в силах объяснить, как ему хорошо, тыкался головой в плечо матери, продолжая лепетать что-то уже совсем бессвязное.

Мария Филипповна гладила сына по голове, но смотрела на Олега, словно пыталась что-то разглядеть. Или разгадать.

Олег привязывал «бестер». Обвивал цепью дейвуд мотора и замыкал замок, чтобы не снимать подвесник и никого не искушать: свои, местные, не тронут, но вдруг кто сторонний на озере объявится, что вред ли, конечно, но всякое случиться может.

Самые обычные дела позволяли изгнать с лица то, что могло его выдать. Он не хотел такой откровенности. «Мама!» – кричал Славка. У него такого не было. С мамой, его мамой, дай ей Бог здоровья. Он завидовал Славке, злился на себя и не в силах был с собой справиться.

Колычева могла заметить плохо стертые следы этой зависти, и Олег отворачивался. Темнота была ему в помощь, а ей не в помощь фонари.

Вот почему он задерживался на Косом допоздна. Не из-за Славки. Эти минуты на причале, всего-то одна-другая, портили все. Поэтому они отправлялись на остров раз в месяц, не чаще, когда Олег сдавался, потому что Славка так ждал, смотрел так жадно, что не уступить было невозможно.

«Пора нам», – говорила Мария Филипповна.

Он поднимал на плечо весла, их он относил в эллинг.

«До свидания. И тебе, Слава».

«Я завтра приду», – тот отрывал голову от плеча матери.

«Конечно, приходи. Будем корабль строить. Еще дядя Саша приедет. Когда хочешь, тогда и приходи».

«Приду».

Славка никогда не болел, не простужался. Все недуги и невзгоды, отмеренные Господом ли, судьбой ли, он уже выбрал. Поэтому он придет. И завтра, и послезавтра...

«Может, отвезти?» – спрашивал Олег. Колычевы были не из Покровского – полымские, но и туда четыре километра, и это если по тропинке вдоль берега, обходя Подлое болото, а по дороге все шесть. Поэтому он и спрашивал, даже не гадая, что услышит в ответ.

«Мы сами, у меня фонарик есть», – говорил Славка и доставал из кармана фонарь. В его пластмассовом корпусе была укрыта динамо-машинка, приводившаяся в действие рычагом. Фонарь тонул в ладони Колычева. Тот начинал сжимать пальцы. Раздавалось жужжание, соцветие LED-светодиодов выбрасывало белый луч. Олег как-то попробовал, но чтобы так быстро и так ярко, у него не получилось.

«Пойдем, Слава!» – торопила мать.

Они уходили. Луч фонаря шарил по траве. Иногда сквозь него проскакивали белые искры – мотыльки, а иногда Славка ловил лучом ночную бабочку, и та металась в конусе света, пока в отчаянном усилии не вырывалась на свободу – во тьму.

Олег поднимался к дому. На ступеньках всегда что-нибудь находилось – пирожки, печенье, банка молока, не только Шурупу лакомиться. Молоко у Марии Филипповны Колычевой было чудесное. Но его к ночи, может быть. Сначала водки.

* * *

Лера поддернула замок «молнии» к шее. Куртка жала в плечах, но уж лучше так, чем голой грудью на всю улицу светить.

Настроение менялось ежеминутно. То она улыбалась, вспоминая реакцию матери... Этого она и добивалась – позлить. Для того нацепила шмотки, в которых нечего удивляться, если на улице к тебе подвалит урод с мутными глазами и предложит располовинить пупырь пивасика. Ханжам надо бросать вызов, иначе они возьмут верх. Они мнят себя непогрешимыми, будущее для них как следующая глава плохого детектива, когда, несмотря на все потуги автора, уже ясно, что убийца – дворецкий. Отсюда все эти нотации, поучения и глухота – других они не слышат, не считают нужным. Вот и мать из таких. Хотя не из замшелых, от которых нафталином разит до тошноты. Принять бы это и примириться, но ее не смиряло то, что мать не в рядах помороженных, пусть на шагок, а впереди. Потому что другие были по боку, а с матерью так не получалось. Потому что мать ее в первый класс за руку вела, бантики вязала, на костюме лисички-сестрички воротника своего пальто не пожалела. Так с какой минуты, с какого дня стало перевешивать другое? Вроде и незаметно, но подрастала кучка, камешек к камешку, те лишь поначалу обращались в ледышки, истаивали, потом превращаться перестали. И уже ничего не прощалось, не забывалось, и был вынесен приговор: виновна! А значит, наказуема. Хотя бы этой идиотской кофточкой, ляжками врастопырку, да, наверное, и Денчиком.

Проходили секунды, и улыбка слетала, даже не пытаясь зацепиться за губы. Конечно, Денис ее любит, и она его, но чтобы сразу в омут? Это для в книжек про закаливание. И не в Денисе, она в себе не уверена, поэтому шалаш не нужен – нужна квартира.

Лера вышла из подъезда, но не пошла направо – к метро, не пошла налево – к остановке автобуса, она пошла прямо – по аллее, что начиналась от их дома и тянулась вглубь квартала.

Здесь они когда-то гуляли с отцом, она еще маленькая была, и отец рассказывал, как эта аллея появилась.

Случилось это лет за пять до ее рождения. Деревья посадил сосед из квартиры двумя этажами выше, низенький дядечка в спортивных штанах с пузырями на коленях. Потом ухаживал, по весне окапывал, поливал.

«Никто ему не указывал, никто не помогал, все сам, – говорил отец. – По велению души. Тут главное – понять, чего она хочет, требует. И сосед наш это понял».

Деревья окрепли и потянулись вверх, а потом как-то внезапно, в один год, стали высокими, и если не гордостью квартала, то уж точно украшением. Но дядька в линялых трениках этого не застал – сердце подвело. Лера помнила, как его увозили, как чертыхались санитары, корячась на лестнице с носилками. Сейчас в квартире, что двумя этажами выше, живет его жена... вдова. Серая мышка. Из дома почти не выходит, только в магазин, и чтобы дойти до него, не нужна аллея, достаточно тротуара, магазин в их же доме, витринами на улице. Прошмыгнула – и назад, в норку. И никто к ней не приходит, детьми они с мужем не обзавелись. И дом дядька в трениках не построил. Из обязательного набора только дерево посадил, и не одно.

Между деревьями стояли скамейки. Это ЖЭК постарался. Лера села, поправила юбку, достала телефон.

– Денчик, с матерью я поговорила... Да никак. Все она понимает, а шевелиться не хочет. Помнишь, она по просьбе отца девку деревенскую в московскую клинику устраивала. Что?.. Он попросил – мать сделала. Теперь ее очередь, а она не хочет. Что?.. Нет, из вредности – это вряд ли. Она или сама какие-то планы имеет, или действительно не верит, что отец расщедрится. Я так думаю, нам самим попробовать надо. Что?.. Я тоже унижаться не собираюсь. Но просто попросить – что в этом такого? В общем, я так думаю, надо съездить к нему. Вдвоем! У тебя же мотоцикл на ходу. Ты свою подработку в ресторане на два дня бросить можешь?.. А ты постарайся. Ради меня. Ради нас... Ладно, ладно, не злись, вечером поговорим. Пока... И я тебя.

Дав отбой, Лера пробежалась по списку контактов. Отец... Позвонить? Чтобы не как снег на голову. Еще можно бабушке о себе напо-

мнить, пусть работу проведет. И дядя ей поможет на правах младшего братика. Нет, фигня, и пальцем не пошевелят, они и прежде через не могу общались, а как отец на озеро уехал, так вообще вычеркнули. Поэтому в разговоре с матерью они о других Дубининых и не вспомнили. Отчего же сейчас на ум пришло? Что, спасение утопающего – в последней соломинке?

Лера встала. Так звонить или враспloch?

Свернув за угол дома, она направилась к метро по застеленному листьями асфальту.

– Посторонись!

Рабочие в оранжевых жилетах пытались взгромоздить в кузов грузовика ствол дерева.

Лера торопливо прошла мимо. И подняла глаза, сама не зная почему, что заставило?

У окна их квартиры стояла мать. Лера старательно завияла бедрами. Пусть видит! Пусть знает, что и сегодняшний урок, пускай неуклюже преподанный, остался ею невыученным. И тоже поставлен в вину.

* * *

Он выпьет. Такой день – как не выпить?

Олег обогнул Косой с запасом. У западной оконечности острова была мель с увязшими в ней валунами, последышами все того же ледникового периода. Когда на юге, у дальней границы озера, поднимали щиты бейшлота, чтобы напоить Волгу, сделать ее судоходной и в самую сильную засуху, уровень в озере понижался и валуны высывали из воды черные мокрые спины. В мокрое лето и по весне, в половодье, вода укрывала их, и тогда они были особенно коварны, запросто можно лодку побить.

Как обогнул, открылась деревня. Покровское. Два десятка домов, еще больше за деревьями на «второй линии», а там еще и «третья».

Берег был утыкан банями и сараями. Подзавалившись на бок, лежали вытащенные на песок лодки.

Один дом, другой... У забора стоял Тютелька. Его и с приличного расстояния невозможно было не узнать. Такой куртки ядовито-зеленого, «кислотного» цвета не было больше ни у кого. Завези такую в магазин в Покровском, так и останется висеть на «плечиках», никто не позарится. Хотя Люба в своем магазинном хозяйстве такого безобразия и не потерпела бы.

Тютелину куртка досталась с чужого плеча. С подорванным в пройме рукавом и подпалиной на груди, небольшой, с доньшко чайной чашки. Как подпалина оказалась в столь «неуказанном» месте, на сей счет залетные не распространялись. Куртку они хотели выбросить, а Тютелька прибрал. Зачем добру пропадать, и вещь-то стоящая – не промокает,

изнутри местами сетка, чтобы не потеть, рукава на резинках, капюшон. Цвет, конечно... А что нам цвет? И рукав пришить можно, делов-то, а на пятно карман, из подкладки, и будто так и надо, по-модному.

Приложив ладонь козырьком к бровям, Тютелька смотрел на озеро. На него смотрел, на Олега.

Знал ли Тютелин, что залетных больше нет? Не исключено. Казалось бы, откуда? Но это если рассуждать логически, а в реале новости здесь разлетались быстро – так быстро, что в этом явно была какая-то тайна, недоступная чужакам. Олег, хотя и жил на озере не первый год, все еще слыл приезжим, поэтому секретом не владел. Поначалу удивлялся, пытался разобраться, а потом и то и другое бросил – плюнул, как плюнул Тютелька на наличие подпалыны на куртке, выкинутой залетными. Ведь они у него квартировали, залетные, и в прошлом году, и в этом.

Когда «черные копатели» в пятнистом камуфляже, а один еще и в фашистской каске, впервые появились в Покровском – на угловатом черном джипе, с квадроциклом на прицепе, – они отправились по домам с вопросом, не сдает ли кто комнату, а лучше дом. Так на Тютелина и вышли. Сговорились быстро: тот сдал им свою холостяцкую халупу, а сам переселился в баню, благо баня у него была вполне себе, еще крепкая.

Последний сарай уплыл за спину, ветхий и покосившийся, готовый вот-вот распластаться по земле.

Совсем немного еще – и по времени, и по расстоянию, мимо лохматого ольшаника, мимо раки, запустивших в озеро корни-змеи, – и появилось Полюмя, чьи дома по всему проигрывали Покровскому. Попроще, победнее, а вокруг заборы из жердин на серых от старости столбах. Только в одном хозяйстве натянули металлическую сетку, а в другом наколотили штакетник, состряпанный из обрезков горбыля с покровской лесопилки. Но лишь для того натянули и наколотили, чтобы перед соседями покрасоваться, иной нужды не было. Это ближе к Москве, к большим городам заборы солидные – чаще из профлиста, бюджетный вариант, но не в редкость и монументальные, из бетонных плит, кирпича, дюймовых досок. Хотя Олегу представлялось, что тут не в надежности дело. Не в опаске за себя и свое имущество. Очумевшие в городской сутолоке люди жаждали уединения, и если никого не слышать было не в их власти, народ у нас горластый, машины шумные, то не видеть – для того и существует сплошной забор. Но все это там, в пристойчье, а здесь, в глубинке, эти ухищрения и расходы к чему? Тут людей мало, и если ты не совсем уж конченный затворник, то каждому прохожему рад. Это ж как приятно, это ж какая сладость, опершись на верхнюю жердину, языки почесать.

«Слышала, о чем в Покровском бают?»

И так от дома к дому. Иногда бегом. И до самой околицы...

Олег добавил газку и скорости, начиная пологую дугу.

Шершавый язык леса лизал берег – леса сорного, лиственного. От берега до глубины тянулись заросли тростника, если по-местному – тростеца. Сейчас, в безветрии, тростец был неподвижен, но появится ветер, и он зашепчет, прижмется к воде.

За лесом были его пенаты. Хотя это он был при них...

Метрах в двухстах от берега, прямо напротив причала усадьбы, был еще один островок. О нем тоже бытовала легенда, звучавшая в устах Егоровой и Тютельки без всяких расхождений. Жили в здешних краях при царе Горохе парень и девушка и очень друг друга любили. Только не суждено им было венчаться, нарожать детей и умереть в один день. Семьи их враждовали. Прознав о том, что дочка собирается улизнуть с любимым, ее отец шибко разгневался и посулил молодцу смерть скорую и лютую. Девушка парня предупредила о грядущем возмездии, и тот пустился в бега. Но убежать далеко не успел, потому что отец его избранницы был злым колдуном. Произнес он заклинание, и застыл парень прямо на бегу островком, который люди называли Беглым. А девушка, тоже волшебница, повела очами, махнула рукой и стала горой-холмом на том берегу озера. Так они и смотрят с тех пор друг на друга...

Беглый был островком крошечным: земли – на две ракиты. И вот какая странность – ловить там было нечего, никогда не клевало, но об этой загадке легенда ничего не говорила.

На причале маялся Славка.

Олег заглушил мотор. «Бестер» сам дотянулся до помоста.

– Как дела, Слава?

Тот зачистил:

– Дядя Олег, а там костер был!

– Где?

– У Жабьего ручья.

– Кто запалил?

– Я не видел.

– К скиту пройти не пытались?

– Они на берегу были, в стороне.

– Ты там прибрал?

– Вот. – Славка показал лопатку.

Олег выбрался из лодки.

– Ты извини, Слав, устал я что-то. Ты иди, ладно? – И добавил обязательное: – Утром будем корабль строить. Хорошо?

– Хорошо.

Славка по-медвежьему тяжело повернулся и стал подниматься по дорожке. Олег ждал, что он остановится, обернется и спросит: «А когда мы на остров поедем, дядя Олег?» Но Славка так и протопал, ссутулив плечи, до самого верха, мимо стапеля с кораблем, корпус которого еще

не до конца был обшит по шпангоутам досками. Эти шпангоуты они устанавливали вместе, один бы Олег не справился.

Ошвартовав лодку, Олег взял корзину и пошел к дому.

Надо было выпить. Обязательно.

Так он и поступил, достав из холодильника початую вчера бутылку. Придержал рюмку в руке – не повезло вам, парни, – и выплеснул ее содержимое в рот.

Со второй рюмкой помедлил.

Нервы, значит... Тут у вас ошибочка, товарищ участковый. Или после сегодняшнего уже «гражданин»? Хотя не пойман – не вор. Да и не поймают, потому что не найдут, а не найдут, потому что не будут искать. С чего бы что-то искать, когда вот следы от колес, елки поломанные, трупы. Что еще нужно для ясности? Да и не вор он. У кого он украл? Были бы парни живы, тогда да, а так – будто и не находили. Он просто взял, потому что ящик был открыт, потому что увидел и не устоял, не совладал. И что? Был участковый для него товарищем Егоровым, стал гражданином начальником? Какого бреда?

– За бред! – провозгласил он.

И выпил.

И снова налил, не закусывая.

Струны, значит... Снова ошибочка. Тут одно другим прикрылось, одно другое подвинуло, краски размыло из черных в серые. А не возьми он, так измучился бы, сожалея, что не осмелился. Но он прибрал и уже о том думал, как спрятать, а не о том, как скоротечна жизнь человеческая. Некогда было скорбеть. Потом грибы стал чистить, и это тоже было защитой: механический труд, тупая работа – лучшее средство от травмирующих мыслей.

– За товарища Шпагина!

Он выпил. Заел печеньем из вазочки на столе. Вкусное у Марии Филипповны печенье.

А если все же найдут? И поймут, что это он спрятал, больше некому? Что он тогда скажет? Детская шалость, хватательный инстинкт...

– Отбоярюсь!

Или о Шурупе им рассказать, комке шерсти на красном снегу? Рассказать о звере с желтыми глазищами, которого только очередь из автомата и возьмешь? Так не поймут, на то кивать будут, что надо было ружье покупать. Ага, с серебряными пулями.

Олег плеснул еще, чувствуя, как струится от живота к ногам, как растекается по груди живительное тепло.

Выпил.

И печеньюшку... Нет, нужно что-нибудь посерьезней. Кусок черного хлеба и сальце сверху – самое то будет. И огурчик. Соленый. Крепенький. Хрустенький.

Он полез в холодильник, соорудил закуску. Чавкнул. Хрустнул. И подумал, что, вообще-то, прав Игорь Григорьевич, да и не он один, со стороны наверняка так и кажется, что нервы у Олега Дубинина железные, что ничего его не трогает, не пронимает. И ведь что характерно? Не обманывается народ! Пускай не полностью, не до конца, но так и есть. Много лет он ковал себе броню, пока не стало получаться, это лишь поначалу коротка была кольчужка.

«Ты бесчувственный!»

Сколько раз бросали ему этот упрек и мама, и Ольга, а он не соглашался:

«Я умиротворенный».

От дальнейших объяснений и толкований он уклонялся, но считал так: умиротворенный – это живущий в гармонии с собой и миром. В его случае самым верным было этот мир от себя отодвинуть, и прежде всего людей, чтобы не лезли и не мешали. Каждый человек, близкий или встречный-поперечный, есть потенциальная угроза: не нагадит, не наступит на ногу, не толкнет плечом, так попросит или озадачит. А ему своих задач хватает, поэтому надо отодвинуть или отодвинуться, и будет тебе покой и счастье.

Олег икнул. Глаза слипались. Пора на боковую. Только глянуть, кто разводил костер у Жабьего ручья и так ли ни при чем здесь скит.

В аппаратной царил полумрак. Окон здесь не было, как и положено тайной комнате. Только светились три экрана. На каждом ряды картинок, на круг – восемнадцать, по числу камер. Два прямоугольника были черными, придется вызывать мастера, сам он разбираться с капризами видеотехники не будет – не умеет, да и ни к чему, на то обученные люди есть.

Дом, причал, корабль, подъездная дорога, скит... Изображения казались застывшими раз и навсегда. Но это не так – все менялось: ветер тревожил кроны и приминал траву, расходились круги от хлестнувшей хвостом по воде рыбы... В памяти компьютера хранилось все схваченное объективами за трое суток, да больше и не надо.

Олег подвигал «мышкой» – курсор заметался по экрану. Вот он сейчас в архивы и нырнет.

Рядом с клавиатурой лежал смартфон, подсоединенный к USB-заряднику. Тот мобильник, что в кармане, был попроще – для польско-польского пользования, а смартфон для связи с «большой землей». Вечерами Олег смотрел, кто объявлялся за день, при этом редко когда отзывался. Посмотрел и сейчас.

Звонила Далецкая.

Еще звонил Димон, давно не слышали.

Звонил Борька, что странно, обычно они списывались.

И звонила Лера, дочь.

Глава 2

Май 2015 года. Озерный край

Шепотков не стал нажимать кнопку интерфона. Выпростал себя из кресла, царапнув пуговицами столешницу, и подошел к двери. Открыл.

– Дубинин где?

Секретарша оторвала глазки от монитора с разложенным по зеленому полю пасьянсом и безбоязненно воззрилась на начальство.

Ей и впрямь не о чем было волноваться – с такими-то формами и правильным пониманием субординации.

– Понятия не имею.

– Ну так поищи! – решил поиграть в сердитого папика Дмитрий Юрьевич.

Он вернулся в кресло, еще раз царапнув пуговицами рубашки столешницу. Они у него вечно отлетали, пуговицы. Потому как живот. И это не обжорство, не пиво, не сидячая работа, это физиология. Вот он надрывается в фитнес-клубе, а толку? Организм не обманешь. Метаболизм, итить его.

«Э, Олег, ты где?»

Вообще-то он мог и сам позвонить, но держать дистанцию обычно полезнее, чем быть на дружеской ноге. Панибратство хорошо гомеопатическими сахарными шариками, три штучки под язык через день. Дозировать его надо, Дубинина, потому что позволишь лишнего, а он ухватится, будет Димоном при народе величать. Ну да, Димон, это если запросто, по-товарищески, но не прилюдно же! Это, знаете ли, амикошонством попахивает.

Шепотков довольно хмыкнул. Редкое словцо! Спасибо памяти, что подсказала, она у него такая: раз услышал – и зацепило, и зацепилось.

Дубинина ждала работа. Никакой спешки, но знать Олегу о том не нужно. Лучше пораньше озадачить, предупредив, что заказ невероятной срочности. Тогда есть шанс, что не в последний час, а за два, за три дня до реального дедлайна сделает.

Или не сделает...

Что-то сильно он закладывать стал. Не запойный, себя блюдет, но запашок чуть не каждый день, а люди меж тем все примечают и руководству доносят: «Пьет-с».

Пьет – это плохо. Это напрягает, потому что слишком многое от Дубинина зависит. Многое и многие. Только и об этом знать Олегу не нужно. А то совсем расслабится.

– Дубинин взял отгулы, – доложила секретарша, возникнув в дверях.

– Кто отпустил?

– Говорят, с вами согласовано.

А ведь так и есть, отпустил, еще неделю назад разговор был, совсем из головы вон.

– Когда появится?

– Не знаю.

– Ну так узнай! – Дмитрий Юрьевич готов был всерьез осерчать. Тут заказ жирный, а люди разбегаются, как тараканы. Отгулы им...

Через пять минут, на протяжении которых Шепотков успешно боролся с искушением позвонить другу Олегу, секретарша снова явила себя на пороге кабинета. Разобиженная, спина прямая, ресницы как из проволоки.

– Говорят, в понедельник будет.

– А где он?

Секретарша пожала плечами.

Дмитрий Юрьевич потянулся за мобильником, лежавшим на краю стола. Набрал номер и узнал, что абонент «вне доступа». Вроде бы что тут такого? Но он отчего-то встревожился. Даже мысль мелькнула: может, у Ольги спросить, телефончик есть... И тут же отмахнулся: нет, лучше о себе не напоминать, не будить лихо.

Он взглянул на секретаршу и проговорил примирительно:

– Иди сюда. Бог с ним, с Дубининым.

* * *

Олег выбрал поезд. На автобусе быстрее, зато в поезде лег и заснул. Вернее, так: выпил, лег и заснул. И это лучше, чем выпил, сел и неизвестно, заснешь ли. Потому что, когда сидя, то количество выпитого – не гарантия, уж он-то себя знает. Точнее, в поезде «выпил и заснул» – это норма, а в автобусе дыхни на кого, сразу примутся глазами буравить. И пусть ему такое осуждение до аппендикса – вырезать и выбросить, даже если вслух кто попрекнет, а все равно уют не тот.

До вокзала Олег добрался на старенькой «шестере», на крыльях и дверях которой были наклеены ленты с «шашечками». Ого, так, глядишь, через пару-тройку лет и название фирмы появится, и счетчик в салоне. Дотянутся менеджеры-оптимизаторы и до этих мест, все к тому идет.

– Вокзал, – объявил водитель. По виду он очень подходил к своей потертой «шохе», так подходил, что, казалось, другого она за свой руль

и не примет. У водителя были седые усы, ладони в мозолях и заживших порезах, щеки в голубых и фиолетовых прожилках.

Олег расплатился. Накидывать не стал: сколько договорились, столько и дал.

Таксист взял деньги, и видно было, что он доволен. Да и с чего бы ему не быть довольным? Кабы не Олег, пришлось бы порожняком в город возвращаться.

Что с пассажиром ему откровенно сvezло, водитель честно признался, но не раньше, чем они отмахали от монастыря километров пять.

«Что ж тогда цену задирали?» – попрекнул Олег.

«Жить-то надо».

С этим Олег был согласен. Даже когда скучно, серо, блекло, бессмысленно и безысходно. Но есть закон самосохранения, и он диктует: жить надо! Вот и живем.

«Шестера» вильнула, объезжая остановившийся на обочине автобус. Женщины – кто в платках, кто уже без них – шустро разбежались по кустам. Несколько мужчин перешли дорогу и тоже спешили укрыться в лесу.

«Девочки налево, мальчики направо», – усмехнулся Олег.

«Паломники это. Всегда здесь останавливаются, – водитель выровнял машину. – Сортиры монастырские видели?»

«Видел».

«Но не заходили?»

«Нет».

«Дерьмо с хлоркой. Там по-простому – доски да дырка. Вот и терпят, кто может».

Поддерживать разговор Олегу не хотелось, но отмолчаться было как-то неловко. Тем более что своими «мальчиками-девочками» он как бы сам пригласил водителя к тому, чтобы развязать языки. Поэтому он выдал банальность:

«Чисто не там, где гадят, а где убирают».

«Убирают, конечно, – согласился таксист. – Но народу-то сколько, летом особенно, поспей за ними. А знаете, кто за нужниками следит? Монахи! Послушание такое. Кого для усмирения гордыни, кого за иное прегрешение. И ведь не ропщут! А кто неудовольствие позволит, тот потом кается. Это я к тому, что они в монастырь идут, чтобы к Богу ближе быть, а их – очко драить. Утром в храм на службу и вечером на службу, а между – на очко».

Олег чуть наклонился, чтобы разобрать написанное на карточке в рамке, закрепленной на «торпедке», – еще один признак подступающей цивилизации. Прочитал: «Крапивнин Александр Петрович».

«А что, Александр Петрович, – начал он, сворачивая с «вонючей» темы, – много, говорите, в монастырь людей приезжает...»

Таксист покосился сначала на него, потом на панель приборов и не стал упрячиться, тоже свернул:

«Навалом! Автобусами, машинами, летом по воде из города».

«Я с машиной был, – зачем-то объяснил Олег. – Жена за рулем – милое дело. Она с подружкой там осталась. Завтра уедут, а я сегодня собрался».

Водитель понятливо кивнул:

«На заутреню пойдут. Сейчас для этого все условия, не то что раньше, когда в монастыре, кроме храма, сплошь трущобы были, да и храм разве что святым духом держался. А теперь – условия. Дом для паломников восстановили, там они и ночуют. Я, правда, внутрь не заходил, но рассказывали – казарма казармой. Но и другое говорят: есть там номера со всеми удобствами, вроде гостиничных, но это уже задорого. Так что и людей приезжает много, и перекантоваться до заутрени есть где. В общем, всем хорошо, только нам, таксистам, не всегда и не очень. Отвезешь, а назад как выйдет. А поутру снова туда. Вроде бы двенадцать километров всего, но на бензине все равно расход, и если на месяц прикинуть, то прилично выходит. Хотя, конечно, грех жаловаться, с монастыря кормимся, с работой у нас тут не густо».

«Грех? – переспросил Олег. – Вот какая монастырская жизнь разная. Все согрешить бояться».

Таксист качнул головой:

«Кто поглупее, те не боятся. Они и не знают, что грешат. Счастливые. Даже завидно».

«А вы, значит, боитесь?»

«Боюсь. И грешу... Ах, черт!»

У переезда через железнодорожную ветку они пристроились за трактором с прицепом, накрытым папашой сена. Его подкинуло на рельсе, и здоровенную охалку швырнуло на «шестеру», занавесив капот и лобовое стекло.

Таксист ударил по тормозам, распахнул дверь и выбрался наружу. Сбросил сено на дорогу. Повернулся к трактору, который и не подумал остановиться, так и тащился еле-еле, махнул рукой и вернулся за руль.

«Гаденьш!»

Выругался таксист от души, но не зло, почти весело. Включил дворники и опрыскал стекло водой, удаляя оставшийся сор. Воткнул передачу, рывком преодолел рельсы и за несколько секунд догнал трактор. Обогнал его и помчался дальше, напоследок выставив в окно руку и погрозив обидчику кулаком.

«А чего разбираться не стали?» – спросил Олег.

«Да пустое это. Если всякий раз отношения выяснять, так жизнь и пройдет».

«Да вы философ».

«Шофер я», – буркнул таксист, и пальцы его сжались, словно хотели расплющить баранку.

«Давно таксуете?»

«Прилично».

«Частный извоз?»

«Он самый».

«А чего «шашечки» налепили?»

«Чтобы с дурацкими вопросами не приставали. В ту сторону, не в ту сторону, и чтобы не надеялись, что задарма повезу».

«А от гаишников вопросов не ждете?»

«Да я, почитай, их всех знаю, а они меня. Миром расходимся».

«Ну да, город у вас небольшой, все на виду».

«Так и есть. Не по имени знаешь, так в лицо. Я же местный, в порту работал. Столяр я, плотник, и за краснодеревщика могу».

«А почему уволились?»

«То не я – жизнь уволила. Раньше по озеру и баржи тягали, и «трамвайчики» пассажирские ходили, пристани были, рейсы на самые дальние плёсы строго по расписанию. А что сейчас? От всего флота три калеки-недомерка остались. Паломников в монастырь доставляют. Чтобы куда подальше, уже нерентабельно. А без теплоходов пристани не нужны стали, развалились без ухода, теперь до деревень только на машинах или на моторках».

«И куда флот подевался, на сторону толкнули?»

«Если бы! Так бы хоть плавали кораблики. У нас судоходного пути на Волгу нет, как их продашь? Как на сторону доставить?»

«А сюда они как попадали?»

«По железной дороге, на специальных платформах. Те, что поменьше, целиком везли, а покрупнее – частями и здесь собирали. В порту и собирали, и я этим занимался, все что по дереву – мое. А когда теплоходы на металлолом стали резать, уволился».

«Рука не поднялась?»

«Вроде того. Вот так все и вышло: был на озере флот – и нет его. Размародерили кораблики, а потом газорезкой. В войну сберегли, а в мирное время профукали. Я вот на улице имени Хорошкова живу. Отважный был капитан! Первой военной осенью его пароходик немцы бомбами забросали. Хорошкова ранило тяжело, в руку. Так его перевязали, и он опять к штурвалу встал. И всех эвакуированных до города доставил. Уже там без сознания свалился. Кисть ему потом ампутировали, а он, как из госпиталя вышел, обратно к себе на мостик, рулить. Вот какой человек был. Он в конце 50-х умер, своей смертью, по болезни. Тогда и улицу в его честь назвали, до того она Никольской звалась, и пароходик переименовали – был «Смелый», стал «Капитан Хорошков». Это я к тому, что он первым под горелку отправился. А ведь так и хо-

дил все эти годы: отремонтируют – и снова на воде. Тоже неубиваемый! И доплавался...»

Крапивнин замолчал. Молчал и Олег. Слова были не нужны, лишние.

* * *

Крупа просыпалась. Люба смела ее с полки ребром ладони в пригоршню другой и высыпала обратно в пакет.

Хлопнула дверь. Она обернулась.

– День добрый.

Она не ответила, только голову наклонила. Это не было неуважением. Люба к участковому относилась хорошо – по ее меркам и по сравнению с тем, как относилась к большинству жителей Покровского, не говоря уж о людях проезжих.

Егоров к такому обхождению относился спокойно. Он подошел к прилавку.

– Я не покупать. Я спросить. Ты Славку Колычева сегодня видела?

По виду участкового Люба поняла, что на сей раз отделаться кивком не удастся. И все же попыталась.

– Так видела? – с нажимом повторил Егоров.

– Заходил.

– Когда? Зачем?

– Утром. За конфетами.

– Куда потом направился, не заметила?

– Нет.

– А сам он не говорил?

– Славка?

Егоров нахмурился: да уж, нашел что спросить.

– Ладно, – нашел что сказать он. – Никуда не денется.

Участковый вышел из магазина.

Люба тоже подошла к приоткрытой двери.

На крыльце участковый столкнулся с Тютелькой и задал ему тот же вопрос – о Славке.

– А что случилось? – с ноткой наигранного подобострастия заинтересовался Тютелин.

– Да кое-что, – произнес Егоров тоном, в котором было его нескрываемое отношение к Тютельке – и недоверие, и брезгливость.

– Так, наверное, у озерца он, у Мизинца. За птицефермой. Я его там давеча видел. Сидит, смотрит и лыбится.

Участковому стоило бы сказать «спасибо», но это, пусть в самом малом, означало быть обязанным Тютельке.

– А ты чего здесь? За водкой? Все не угомонишься?

– Какая водка? Мне ж Пятнатая не отпускает, будто не знаете, своевольничает. Я сигаретами разжиться.

Егоров сдвинул брови:

– Чтобы я этого не слышал! Она – Люба, а лучше – Любовь Макаровна! Понял меня?

Участковый спустился с крыльца и пошел по дороге, по ее краю, где не так пыльно.

Люба потянула дверь на себя. Что Егоров одернул Тютельку, ее не удивило и не порадовало, на то и участковый. Только зря он так горячо, ей уже давно все равно. Пятнатая... Такая и есть, такой и останется.

Между дверью и косяком возник исцарапанный башмак Тютельки.

– Ты чего это, а?

Люба потянула сильнее. Прощедила сквозь зубы:

– Перерыв.

Тютелька не уступал:

– Продай сигареты, слышь!

Люба потянула сильнее, а потом, забывшись, еще сильнее.

– А мне не больно, – заржал Тютелин.

Тогда она замахнулась. Тютелька отпрянул. Дверь захлопнулась.

– Ах, ты... Пятнатая!

Тютелин продолжал разоряться, но Люба не стала прислушиваться, ничего нового про себя она не услышит.

Зашла за прилавок, миновала короткий коридорчик и вышла во двор.

У магазина и их дома, где она жила с матерью, двор был общий, окруженный общим же дощатым забором. И магазин, и двор, и этот забор, и работу продавщицей мать передала ей «по наследству». Сама она оттрубила в сельпо больше тридцати лет, но когда артрит скрутил руки, а радикулит спину, мать вручила ключи от всех замков Любе. Начальство из района не возражало: на хорошем счету была продавщица и за дочкой присмотрит.

Магазин выходил фасадом на улицу, а дом – на березовую рощу и этим отличался от других домов деревни, которые ставили окнами на озеро, оставляя огороды на задворках. Вот и мать сейчас в огороде, пытается что-то делать своими измученными руками.

Люба вошла в дом. Обычный деревенский пятистенок по виду и по убранству. Хотя и не совсем. Было еще одно, помимо окон на рощу, что отличало его в Покровском. В доме не было зеркал. Лишь одно имелось, в угоду матери, и то было прикрыто тканью, словно в доме покойник. И не по большому, но по малому счету так оно и было, потому что себя Люба живым человеком не считала: разве это жизнь? Она никогда не смотрелась в зеркало. Сил не было, как нет их у мертвых.

* * *

До самого города Крапивнин больше не проронил ни слова. Олега это устраивало. Хватит на сегодня невеселых историй.

Оглавление

Глава 1	
Август 2018 года. Старая дорога	5
Глава 2	
Май 2015 года. Озерный край	34
Глава 3	
Декабрь 2016 года. Пожар	77
Глава 4	
Июнь 2015 года. Частная собственность	141
Глава 5	
Декабрь 2017 года. Страшная сила	193
Глава 6	
Июль 2015 года. Сторож чужому дому	244
Глава 7	
Август 2019 года. Свидетели	318
Глава 8	
Ноябрь 1930 года. «Троеручица».	388
Глава 9	
Сентябрь 2020 года. Имянаречение.	425
Глава 10	
Октябрь 2020 года. Дни дожития.	528

Сергей Борисов

ПОЛЫМЯ

Роман

Дизайн обложки

Шибеев А.

Фото на обложке

Кобзева М., Фадеевичев С.

Цветокоррекция

Кобзева М.

Компьютерная верстка

Лебедева М.

Корректурa

Липина М.

Подписано в печать в марте 2022 г.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел. 8 (499) 270 7359

По вопросам приобретения, распространения просим обращаться
в издательство «Аякс-Пресс»: 115280, Москва, ул. Мастеркова, 4, пом. 2, комн. 102
тел.: (495) 725 0894, www.russianguid.ru